

Юэ Дэфан, глядя на мой растерянный вид, с любопытством склонила голову набок и спросила:

— Ты его знаешь?

— Это же вундеркинд из Академии Ханьлинь, он невероятно умен, — опомнившись, объяснил я.

— Умнее тебя?

Юэ Дэфан захлопала большими глазами, и в уголках её губ заиграла озорная улыбка, словно она нарочно меня дразнила. Услышав это, я почувствовал, как к лицу прилила кровь, и, смущённо почесав затылок, ответил:

— Э-э... я ещё не состязался с ним. Вот выдастся случай, померяемся силами, тогда и скажу. Кстати, вкусный этот сахарный пирог?

— Очень вкусный! — пробормотала Юэ Дэфан с набитым ртом, а затем спросила:

— А что такое Академия Ханьлинь?

Услышав вопрос, я воодушевился и принялся красочно описывать:

— Это же святая обитель для лучших умов Поднебесной, сцена, где таланты и учёные мужи могут развернуться во всю мощь. Когда я сдам государственные экзамены, непременно поступлю на службу в Академию Ханьлинь. Там я смогу в полной мере проявить свои способности. Сделаю перо своим мечом, а литературу — средством служения миру. Это не станет пустой тратой долгих лет усердной учёбы и оправдает надежды, которые возлагает на меня отец.

— М-м, я верю, у тебя всё получится! — Юэ Дэфан энергично закивала, и её улыбка засияла, словно весенний цветок.

Первым шагом на пути к государственной службе было получение статуса учащегося. Для меня это оказалось проще простого: стоило лишь выучить Четверокнижие и Пятикнижие до идеального состояния, как экзамен был пройден без всякого труда. Далее следовал провинциальный экзамен в Шуньтяньфу, который проводился через два года. Это испытание было куда сложнее, требовалось мастерство в написании восьмичленных сочинений, но успех означал получение степени цзюйжэня.

В день оглашения результатов я с замиранием сердца вглядывался в списки и сразу же выхватил взглядом знакомое имя — Чэн Янь из Хуэйчжоу. Надо же, он занял первое место в списке лучших! Что ж, выходит, таланты Чэн Яня и впрямь превосходят мои.

На следующий день губернатор Шуньтяньфу устроил торжественный пир. По традиции, новоиспечённые цзюйжэни должны были исполнять оду Лумин и танцевать танец Куйсин, поэтому праздник называли Пиром Лумин. Я надеялся, что смогу там снова увидеть Чэн Яня,

но как ни вглядывался в толпу, так его и не нашёл. Странно, почему он не пришёл? Позже я узнал, что из-за блестящей победы на экзаменах его пригласил к себе домой первый министр Гу Сянь.

Говорили, что на том пиру все узнали: в доме у Чэн Яня этим летом расцвёл лотос на одном стебле, что сочли добрым предзнаменованием успеха на экзаменах, и теперь все только диву давались, как точно это сбылось. Гу Сянь был настолько впечатлён талантом юноши, что тут же пообещал выдать за него свою старшую дочь. Присутствующие принялись поздравлять Гу Сяня с обретением достойного зятя.

А сам Чэн Янь? На его лице сначала промелькнуло удивление, а следом — едва заметная тревога. Впрочем, он быстро взял себя в руки, озарил лицо улыбкой и принялся отвешивать поклоны Гу Сяню:

— Столь высокая милость господина Гу — великая честь для вашего покорного зятя.

Гу Сянь, довольный такой покладистостью, на волне хмельного веселья указал на фрукты на столе и предложил ему первую часть парной надписи:

— Из-за лотоса (хэ) — получил корень (оу).

Чэн Янь сообразил мгновенно и тут же выдал ответ:

— Есть абрикос (син) — не нужен сват (мэй).

Стоило ему произнести эти слова, как Гу Сянь и все гости пришли в неописуемый восторг, проникнувшись к нему ещё большим уважением. Позже Чэн Янь сочинил стихотворение о гостях, прибывших на колесницах, где упоминал историю о том, как Чжан Фу выдал внучку за Чэнь Пина, восхваляя прозорливость Чжан Фу, сумевшего разглядеть великий талант в самом обычном человеке.

По воле случая мне довелось прочесть это стихотворение, в котором были строки: В округе жил старик по фамилии Чжан, что смог разглядеть в господине Чэне недюжинную силу. Не отдал внучку за отпрысков знатных родов, а пожелал, чтобы она прислуживала господину Чэну, и строки о том, что дракон издревле томится в грязи, но разве может муж долго довольствоваться малым?

Шестнадцатилетний юноша, чьи таланты столь высоко оценил великий учёный, да ещё и предложил ему породниться — кто на его месте не загордился бы? В этих стихах сквозила уверенность человека, для которого богатство и слава — лишь дело техники. Я всё мечтал познакомиться с ним лично. И надо же, вскоре представился случай.

Произошёл переполох у ворот, император Ин-цзун вернул себе трон, император Цзин-ди был низложен до статуса князя Э-вана и вскоре скончался. В тот день мы с соучениками сидели в классе, покачиваясь в такт чтению, как вдруг услышали снаружи громкий голос евнуха:

— Господин Ли здесь?

— Прошу, входите, — отозвался господин Ли.

В класс вошёл евнух Цюй Шэн из Управления церемоний. Господин Ли поспешил навстречу и вежливо поприветствовал его:

— Не знал о вашем визите, господин Цюй, простите за нерасторопность.

— Вы слишком любезны, господин Ли. У императора указ: сегодня в полдень пригласить Ли Даю и Ли Чанъяня во дворец на трапезу, — громко объявил Цюй Шэн.

— Смиренно принимаю волю императора, благодарю вас, — господин Ли поклонился.

В полдень Цюй Шэн провёл нас к месту пира в Императорском саду. Я впервые видел императора Ин-цзуна после его возвращения на трон. Старший брат покойного императора сидел на почётном месте, его взгляд был острым, а во всём облике чувствовалась властная мощь.

— Ли Даю и ученик Ли Чанъянь склоняются перед Вашим Величеством, — мы с господином Ли поспешно опустились на колени.

— Встаньте, присаживайтесь, — голос императора звучал мягко, согревая сердце.

— Благодарим, Ваше Величество.

Мы поблагодарили и заняли свои места. Как только я поднял глаза, то замер от изумления: здесь сидел Чэн Янь!

— Ученик Чэн Янь, по прозвищу Мэнхуэй, приветствует господина Ли. Давно наслышан о ваших выдающихся познаниях и мечтал засвидетельствовать почтение, но всё не выпадало случая. Увидеть вас сегодня — величайшая удача в моей жизни, — Чэн Янь быстро поднялся, повернулся к господину Ли и с искренним уважением поклонился.

— Оставьте формальности. Ваш отец — Чэн Синь, министр военного ведомства в Нанкине? — господин Ли с доброй улыбкой разглядывал юношу.

— Именно так. Мои предки родом из уезда Сюнин, префектура Хуэйчжоу. В двенадцать лет, благодаря милости господина Гу Сяня, я приехал в Пекин, чтобы постигать науки в Академии Ханьлинь, — Чэн Янь слегка кивнул, отвечая чётко и со скромностью в голосе.

— Герои рождаются в юности. Хуэйчжоу славится своими талантами, а юг всегда был богат на

одарённых людей. Ха-ха... мой ученик Ли Чанъань тоже родом с юга, — господин Ли улыбнулся и, указав на меня, с гордостью представил меня Чэн Яню.

— Ли Чанъань, я слышан о тебе как о вундеркинде. Откуда ты родом? — император, сидя во главе стола, пронзил меня пронизательным взглядом.

— Отвечаю Вашему Величеству, мои предки из уезда Чалин, префектура Чанша. Мой отец, Ли Чунь, служил в столичной гвардии, поэтому я родился и вырос в Пекине, — я поспешно встал и ответил твёрдым, ясным голосом.

— Какое место ты занял на недавнем экзамене? — с интересом спросил император.

— Ученик мой не столь искусен, я занял лишь седьмое место, мне далеко до господина Чэна, ставшего лучшим в знании Канона истории, — ответил я как было, невольно покосившись на Чэн Яня.

Услышав своё имя, Чэн Янь просиял. Он внимательно оглядел меня с ног до головы, слегка склонил голову и одарил тёплой, как весенний ветерок, улыбкой, отчего на душе стало легко и приятно.

<http://bllate.org/book/20746/2079820>